

Павел Бажов

За Советскую Правду

ФТМ

Павел Бажов

За Советскую Правду

«ФТМ»

Бажов П. П.

За Советскую Правду / П. П. Бажов — «ФТМ»,

«Партизанское движение в Сибири не раз освещалось в воспоминаниях участников и в художественной литературе. Это вполне понятно. Но мне кажется интересной и та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось. Обманутое вначале сибирское крестьянство теперь приходило везде к одинаковому выводу: «Какой это порядок: четверть – пирует да торгует, остальные воюют, либо без дела дома сидят». Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни, Сибири, но мелочи были настолько показательны, что я решаюсь дать маленький кусок тогдашнего быта, по рассказам непосредственных участников. Здесь нет выдумки. Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя. Время действия февраль-апрель 1919 года...»

Содержание

Вместо предисловия	5
По линии	6
На волчьем положении	7
За теплом	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Бажов За Советскую Правду

Вместо предисловия

Партизанское¹ движение в Сибири не раз освещалось в воспоминаниях участников и в художественной литературе. Это вполне понятно. Но мне кажется интересной и та полоса, когда движение еще не оформилось, но уже везде чувствовалось. Обманутое вначале сибирское крестьянство теперь приходило везде к одинаковому выводу: «Какой это порядок: четверть – пирует да торгует, остальные воюют, либо без дела дома сидят». Ничего яркого, бьющего в глаза в этой полосе жизни, Сибири, но мелочи были настолько показательны, что а решаюсь дать маленький кусок тогдашнего быта, по рассказам непосредственных участников.

Здесь нет выдумки. Иногда даже не изменены названия мест и действующих лиц. Оставшиеся в живых могут узнать себя.

Время действия февраль-апрель 1919 года.

¹ Автобиографическая повесть, написанная в 1924–1925 годах, рисует годы гражданской войны в Сибири, партизан сибирского урмана, подпольную работу большевиков в колчаковском тылу. Впервые опубликована издательством «Уралкнига» в 1926 году. Затем переиздана через 25 лет в книге ранних произведений П. Бажова, составленной и отредактированной самим автором – «Уральские были». Свердловское областное государственное издательство, 1951. Повесть «За советскую правду» по замыслу писателя должна была открывать цикл аналогичных книг воспоминаний о жизни горнозаводского Урала и Сибири в годы борьбы за советскую власть. «Таких книг, – говорил Бажов, – тридцать две штуки было намечено. После рассказа о жизни урмана хотел показать Алтай, как бились за прииск Аджар в 1920 году... Или вот еще деталь: горцы Кавказа – в чеканных поясах, папахах, кинжалах и прочее. А деревня Орловка – выше кавказских гор, жители в зипунах, овчинах, кашемировых кистях: партизанский отряд. И называются эти бабы и мужики – „полк горных орлов“. Пиши, не отрывая пера». (Запись беседы от 29 марта 1943 года. Из архива писателя.)

По линии

Шестеро на площадке товарного вагона – норма. Даже самые строгие охранники не придираются на остановках. Стоять приходится боком. Положение крайних опасное. «Бывает, что и спихнут». В середине и безопаснее и теплее. Только все-таки холодно.

Конец зимы, безветренно, а дышать больно. Зима девятнадцатого года, мягкая и снежная вначале, теперь прижала наглухо. Вторую неделю держатся морозы, лютые, упорно ровные, градусов на тридцать пять. Начинает казаться, что это тоже норма, как шестеро на площадке. Есть площадка – значит на ней должны стоять шестеро, которые угрузили в шубы, изредка переговариваются, замерзают и безнадежно смотрят на «сибирские просторы». Кроме телеграфных столбов, не на чем остановиться глазу. Ни одного пятнышка. Бело и ровно. Хоть бы кустик какой.

Через сорок верст остановки. Станционные постройки видны только крайним – на площадке. Поезд либо не доходит, либо далеко проходит мимо станции. Сходить нельзя – место потеряешь.

К остановке заранее готовятся. В проход и к буферам выставляют острые углы корзинок, сундучков. «Крайние» спускаются на последнюю ступеньку. Дикая возня, матерщина, просьбы, женские слезы: «Мне бы только перегон!» Все пущено в ход при первой атаке на вагон. Получив должный отпор, осаждающие переходят к «дипломатическим» переговорам, сначала у вагонов, потом у площадок.

– Может, братцы, кому недалеко? Потеснились бы!

– Видишь – шестеро.

– Выпили бы по стекляшке. Пользительно на морозе...

Из-за пазухи достается самый действительный железнодорожный билет колчаковского времени – бутылка с красной головкой. Прозрачная жидкость искрится на солнце. Руки стоящих на площадке, как по команде, вытирают усы. У каждого в голове одно: «Глотнуть бы: – сразу теплее станет». Один из спекулянтов равнодушным тоном осведомляется:

– Тебе докудова?

– До Новь-Николаевска только...

– А до его сутки, – вздыхает спекулянт.

– На ступеньку, может, пустим? – спрашивает другой.

– Нельзя. Охрана всех снимет. Скажет – беспорядок.

– Как же, братцы, не выйдет, знать, дело? – спрашивает еще раз человек с бутылкой и прячет ее за пазуху.

– Возьми керенку.

– Не. Непродажная.

– Две возьмешь?

«Дипломат» резко мотает длинными ушами заячьей шапки и направляется к вокзалу.

Крики и беготня стихли. Все забились в вокзал, в тепло. Поезд будет стоять не один час. Но пассажиру-одиночке сбегать погреться нельзя. Вещи вышвырнут, место продадут. За бутылку, за две.

Надо держаться, пока можешь.

Холодно...

И куда это только едут?

На волчьем положении

Маленький бритый человек в синих очках притулился в середине площадки, между двумя мордастыми спекулянтами. Поверх городской шубейки надет огромный, с чужого плеча, бараний тулуп с «саксачьим» воротником. «Семифунтовые казанские с крапинками» надежно защищают ноги от холода. Теплая на меховой подкладке шапка-ушанка. А все-таки, видно, перемерз. Кашляет. Надрывно, подолгу, до холодного поту. Беспокойно возится. Руки тянутся к пояснице, где расплзлась окопная язва.

Высокий спекулянт в дохе из дикого козла ворчит:

– Умирать которым пора, а тоже за товаром ползут.

Рыжебородый толстяк, стоящий вторым с краю площадки, поддерживает своего приятеля:

– Вон у меня тоже сидит какой-то... Не шевелится. Замерз, поди, а место занимает.

– Столкнуть когда, – отзывается козья доха.

– Само собой. Куда мерзляков возить. Только я это к тому... Бутылку давеча упустили...

Бритого человека мучительно бьет кашель. Жгуче саднит поясница и плечи. В голове одна мысль – попасть в тепло, в баню.

Куда ехать?

В кармане случайно купленный в Татарске у какого-то полузамерзшего неудачника-спекулянта билет до Иркутска. Но ехать туда незачем. Есть и другое удостоверение: на имя Кирибаева – торгового агента по закупке товаров для кооператива. Удостоверение хорошее. Напечатано на машинке. Номер, печать с двумя руками, три подписи. Только полагаться на него все-таки нельзя. Подписи плохо сделаны. Да и мало одного удостоверения. Опыт показал.

В Омске Кирибаев пытался с этим документом остановиться поискать своих, – так еле выбрался. Пришлось ехать дальше.

В Татарске не пустили ни в гостиницы, ни на постоялый двор. Из-за кашля: «Умрешь, а тут возись!» Дальше надо куда-то.

Совсем неожиданно показалось белое каменное здание вокзала. Отчетливо бросилась в глаза надпись: Барабинск. Ни одного замерзшего окна. Вот где погреться!

Скрючившийся на краю площадки человек, которого спекулянты считали уже мертвым, вдруг спрыгнул со ступеньки и как-то по-заячьи побежал мимо здания вокзала.

У площадки началась обычная битва.

«Попробую здесь», – решил Кирибаев и полез к выходу.

Сжали до боли в груди, но быстро выбросили на снег.

Теперь в тепло!

Задыхаясь от приступов кашля, Кирибаев побежал к вокзалу, который глазасто уставился на солнце.

В здании оказалось просторно, грязно и... холодно. Окна не замерзли потому, что с начала зимы вокзал не топили. Не было угля.

Железнодорожники пользовались будкой-водогрейкой, но туда попасть постороннему человеку было невозможно.

– Надо итти в город.

За теплом

Барабинск в сущности не город, а железнодорожный поселок. Расстояния пустяковые. Бани общественной нет. Гостиница одна. Две школы, три кооператива. Видимо, конкурировавшие тогда «маслоделы» – «Закупсбыт» – и «Сибсоюз».

– Чуть не дерутся за покупателя

– А гостиница – вон она. Из дробовика добыть можно. Полно там офицера.

Все это Кирибаев узнал от словоохотливого старичонки, который стоял у лошади, выжидая, чем кончится попытка его сына попасть в поезд.

Парню «помогали садиться» двое специально привезенных мужиков, но ничего все-таки не вышло.

– Пропал билет... язви их!

Подшли возбужденные, с матерками, перекорами. Двое «помогавших» стали надевать тулупы. Кирибаев зашагал к гостинице.

Низенькое, длинное, вымазанное глиной здание с обледеневшими окнами. Оборванная обивка двери. У входа желтые дыры в белом снегу.

Долго кашлял перед входом. Готовился, чтобы не отказали, как в Татарске. Потянул ручку. Обдало промозглым туманом плохо топленного помещения и пивным перегаром. Захватило в припадке кашля.

Выбежала старуха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.